

18+

РИНА ЛИНДЕ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

МОЙ
УЮТНЫЙ АД

Рина Линде

Мой уютный ад

<https://litres.ru/74519544>

SelfPub; 2026

Аннотация

Опоздание на две минуты стоит разбитого лица и лужи крови на полу съемной однушки. Моя жизнь давно сведена к примитивным рефлексам: молчать, терпеть, не провоцировать, быть покорной. Но однажды дверь захлопывается с той стороны. Он уходит. Бросит меня? Нет, такие не отпускают.

Когда на пороге появляется прошлое в спасительной форме с предложением нормальной жизни, мне бы радоваться. Бежать и забыть последние три года как страшный сон.

Но что делать, если от правильного мира тебя тошнит сильнее, чем от ударов под дых?

Хмм. Мой монстр уверен, что я вернусь скулить у его ног. Чтож, добро пожаловать в игру, где финал удивит нас обоих.

В тексте:

- запретная грань между болью и зависимостью
- героиня с надломом и зубами
- опасный треугольник

18+ Жёстко. Провокационно. Без розовых очков.

Содержание

Глава 1: 10 минут	4
Глава 2: Это кто?	13
Глава 3: Млечный путь	22
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Рина Линде

Мой уютный ад

Глава 1: 10 минут

10 минут. Ровно столько дали мне, чтобы погулять с собакой. Ну что ж, я уже привыкла к этому образу жизни, когда вся жизнь по расписанию вообще. Я удивлена, что меня отпустили работать при таком контроле. Я устроилась в банк кредитным экспертом, это больше потому, что стоит острая нужда в деньгах, да и то не у меня, у моего мужчины. Ну ладно, грех жаловаться, даже эти 10 минут меня устраивают. Мне хватает глотка свежего воздуха. 10 минут утром перед работой, 10 минут вечером. Так и выживаем.

Иду, пинаю осенние листья и думаю: «Только бы ты успела сходить в туалет». Айра — моя собачка, моя мини-овчарка. Все думают, что это новый вид породы, но на самом деле это какая-то странная помесь, которая получилась очень похожа на овчарку при росте всего лишь в 30–40 сантиметров. Забавляет, что детишки всегда верят, что это новая порода, и всегда кучкуются, чтобы погладить её. Но, к сожалению, Айра не любит детей, поэтому всегда норовит порычать или укусить. Но, к счастью, она ещё пока никого не кусала. Просто ведёт себя как стерва. Даже иногда завидую её характе-

ру. Будь я такой же, тоже бы рычала и не подпускала к себе всяких дебилов вроде того, с кем я сейчас живу.

А с парнем моим, точнее с мужчиной, мы живём уже почти три года. Разница в возрасте у нас 9 лет. Мне 21, а ему 30. Всегда считала так, что возраст не имеет значения, да и разница в возрасте тоже. Поэтому я спокойно отношусь к тому, что он старше. Сейчас, когда мы уже прожили почти три года, и я думала, что мы как-то притрёмся друг к другу, так начался будто ещё более тотальный контроль.

Ладно, мои 10 минут уже закончились, пойду я обратно в свой ад. Тяну Айру за поводок. Как обычно, встала у каких-то кустиков. Всё обнюхивает. Может так стоять по полчаса. К сожалению, у нас нет столько времени. Поэтому оттаскиваю её от кустика. И мы идём обратно домой.

Гулять мы ходим только вокруг дома. Хорошо, что за домом есть небольшая территория, где можно ходить гулять с собаками. Иду, всё так же попинывая осеннюю листву. Красиво. Люблю осень. Люблю осень, когда в ней нет дождей.

Достаю ключи от домофона, открываю дверь, пора подниматься. Пятый этаж, без лифта. И так ежедневно. Неудивительно, что я всё никак не могу набрать свой вес. При росте 157 сантиметров вешу 45 килограмм, когда хотелось бы 50.

Пока поднимаюсь по лестнице, мечтаю о своей любимой грече. С яйцом, в томатном соусе, жареным луком и тушёнкой. Я бы сейчас это съела. Но дома, к сожалению, меня ждут пельмени. Вот такой вот вкусный ужин, когда ты работаешь

с утра до вечера, приходишь погулять с собакой, сил ни на что нет, и ужина у тебя дома тоже нет.

Ладно, завтра выходной. Смогу приготовить себе что-то очень вкусное. Почему себе? Потому что мой парень гурман. Очень сложно приготовить ему что-то вкусное. Обычное он ест в кафешках или в ближайшей шашлычной. Даже гречку он не ест, мою любимую, с тушёнкой. Потому что он покупает самые дешёвые пакеты гречки. И заставляет отбирать её от всех этих чёрных камушков. И даже тогда делает вид, что якобы ему там что-то попало. Хотя я сижу и тщательно часами отбираю эту гречку.

Вот такая вот жизнь, но лучше слушаться и отбирать гречку часа по два, чем получить пиздюлей за очередное невкусное блюдо. Впрочем, я не думаю, что есть какая-то разница от того, буду я отбирать эту гречку или не буду. А результат всё равно будет таким, что блюдо ему не понравится.

Вставляю ключ в замок, открываю дверь, захожу домой. Стоит, встречает уже на пороге.

— Почему так долго? — спрашивает Андрей.

Отвечаю с сарказмом, что я не могу повлиять на естественные процессы организма собаки. И поэтому она долго ходила в туалет. Смотрю на время. — Нас не было всего 12 минут.

— Ты послушалась, я же сказал гулять всего 10 минут.

— Орёт он так, что его слюна брызжет мне в лицо.

Я молча вздыхаю и вешаю свою куртку на вешалку.

— Что ты вздыхаешь? Небось, с подружками своими переписывалась? Дай-ка мне телефон посмотреть.

Я закатываю глаза и отдаю телефон. Да, у меня часто проверяют телефон, я уже даже не ставлю себе пароль. Ну и привыкла, что не могу обсудить ни с кем детали своей жизни, чтоб кое-кто не спалил переписку. Ну ладно, это мелочи. Как-то стало уже безразлично.

Андрей выхватывает у меня телефон просто со злости, дёргая меня за рукав так, что мне становится больно, но я не подаю виду. Понимаю, что он всегда так поступает. Всегда хочет, чтобы мне было больно. Кажется, не только физически, но и морально. Поэтому я уже научилась делать покер-фейс. Вот. Промолчала, стерпела эту выходку.

Ну а дальше понеслось...

Он тычет мне в лицо, несколько раз ударив по лбу моим же телефоном.

— Говори, кто такой этот Азан и с какого хера он отправляет тебе свой член?

— Андрей, я не знаю. Мне никто не отправлял свой член.

— Я правда не видела ничего подобного в своём телефоне. Чё он вообще завёлся... Очередной повод для ссоры, что ли.

И тут я почувствовала удар по щеке, он влепил мне смачную пощёчину. Синяк точно останется.

— Говори, сука! Нравится смотреть на члены турков? Могу устроить: отправлю тебя в чём мать родила на трассу, там

тобой за милую душу полакомиться не один десяток дальнобойщиков, прежде чем продать в бордель.

Глаза наполнились слезами, я уже привыкла слышать подобное, но всё равно горько и обидно. Я молча сглатываю. В горле стоит ком, нижняя губа затряслась. Страшно. Я боюсь своего мужика до чёртиков, поэтому и не решаюсь уходить всерьёз.

Собираю иногда вещи, уезжаю к родителям, но он всегда приходит за мной. Выламывает дверь или грозит сжечь весь дом. А живут родители в многоэтажке, на втором этаже. Не представляю, как он бы провернул эту затею с поджогом, но я уверена, что если бы я не возвращалась к нему обратно, он бы не только спалил весь дом. Он всерьёз на голову отбитый.

Андрей отправился в комнату, жили мы в однушке и спали на одном диване, но под разными одеялами. Да, у нас редко бывает секс, может, я не привлекаю его как женщина, или он уже попросту меня не хочет. Не суть.

Смотрю в его сторону, часто-часто моргаю, чтобы ушли слёзы с глаз. И вижу, что он достаёт из встроенного шкафа-гардероба утюг. Не понимаю, зачем ему утюг. А он резко кидает мой телефон на пол и со всей дури, размахиваясь, бьёт утюгом по телефону. Ну как Халк какой-то, ей-богу. Я даже не представляю, как больно ему в этот момент от удара. Но он смотрит на меня злыми глазами и говорит:

— Следующий удар будет тебе в лицо.

Я уже не плачу, я впадаю в состояние шока. Я не знаю, что делать в таких ситуациях. Он, конечно, часто разбивал мои телефоны, ломал мне нос, но грозитя ударить меня предметом, утюгом, впервые. Я надеюсь, что он фальшивит и не сделает этого.

Но он поднимается с колена и чуть ли не бежит в мою сторону. Схватил меня за рубашку, я даже не успела переодеться после работы, и потащил в комнату. Я полетела на пол так же, как и телефон до этого, а Андрей сел на меня и пытался меня задушить. Одной рукой держал меня за горло, второй держал утюг. Сжимал мне горло с такой силой, что я уже начала хрипеть. Ощущение, что голова лопнет как воздушный шарик.

Он постоянно повторял вопрос, нравится ли мне смотреть на члены турков, и брызгал слюной. Противно и страшно. Но тут я впервые наполнилась каким-то гневом. И рычу ему с хрипотцой, так, чтоб он понял мои слова:

«Нравятся! Нравятся члены не только турков! Ещё египтян, давай уже, задуши, доделай до конца».

Но Андрей меня отпустил. Наверное, он опешил. Он привык, что я всегда молчу, хаваю его поступки и просто смиренно веду себя, как послушная собачка. Но сейчас что-то поменялось, и я решила ему ответить. И ответ был не такой, каким ему хотелось бы.

После секундного замешательства Андрей замахнулся этим утюгом, который всё это время был у него в руке, и

ударил меня по лицу. Я лишь успела нервно пискнуть перед тем, как потеряла сознание.

Это было не просто больно, это было пиздец как больно. Думаю, ударил он меня не со всей силы, иначе сломал бы мне череп, но и этого хватило, чтоб я отключилась. Удар пришёлся в район глаза, так я дёрнула головой, чтоб увернуться. Глаз сразу заплыл в отёке, кожа в районе брови лопнула, гематома была на пол-лица.

Очнулась я, лежа на полу в луже крови, и слышала на кухне какой-то шорох. Не знаю, что он там делал, но почему-то я подумала, что лучше мне лежать здесь и не выдавать, что я уже очнулась. Это, конечно, сюр — лежать в луже своей крови и быть такой спокойной. Может, я бесчувственная? Хотя нет, я чувствую страх, мне очень страшно.

Что он там делает, интересно. Надеюсь, не разбирает пакет с пакетами, чтоб расфасовать меня по ним. Хах.

— Я порезался за этой суки, Тём, обработаю рану и буду.

— Раздалось с кухни.

Он что там, перевязывает себе какую-то ранку бинтиком?

Закрываю глаза, понимая, что он идёт сюда. И лежу так же неподвижно. Слышу какой-то шорох, не понимаю, что он тут делает. Взял вроде какие-то вещи и идёт в коридор. Надевает кроссовки, ложкой, хватает свою кожанку и выходит из квартиры.

Серьёзно? Он что... Просто оставил меня здесь?

А вот теперь я лежу и пребываю в немом шоке и не знаю,

что хуже: то, что он избил меня утюгом, или то, что он бросил меня так лежать здесь.

Не знаю, сколько проходит времени, пока я мысленно перевариваю последние события. Пытаюсь поднять голову, но меня прошибает дикая боль в районе висков. Как-то до этого было не очень больно. Или я была сосредоточена на другом и не чувствовала эту боль.

Пытаюсь проморгаться одним глазом, второй уже слипся и не открывается. Кровь идёт из брови и из носа. Наверное, поэтому её так много.

Зову Айру и слышу скулёж на кухне. Иду туда и вижу, что он привязал собаку к батарее так, чтобы лапами она всегда была на батарее, так как отопление дали совсем недавно, батареи ох какие горячие.

Развязываю её и обнимаю, бедная малявка, тоже натерпелась дерьма. Надеюсь, скоро этот наш персональный ад закончится.

Иду в комнату обратно к телефону. Хорошо, что разбит только экран. В принципе, телефон функционирует. И кому же позвонить? Родителям? Да, они с ума сойдут. Нет. Скорой? Тогда приедет полиция. И этот вариант кажется ещё хуже, потому что я даже не представляю, какие меня ждут последствия от Андрея. Он свернёт мне шею, и это меньшее, что меня ждёт.

Ох, чёрт.

И тут в дверь начинают стучать и звонить.

«Откройте, полиция!»

Ну вот, кажется, проблема со звонком решилась сама собой.

Плетусь к двери открыть. А сама думаю, вдруг это его друг пришёл, чтоб проверить, жива ли я, и открою ли дверь полиции. Смотрю в глазок и недоумеваю.

Видимо, Андрей хорошо огрел меня утюгом, раз за дверью я вижу своего бывшего, ещё и в форме.

Глава 2: Это кто?

— Арина? — С недоумением задаёт вопрос Платон. Двое его напарников уже исследуют квартиру, вломились бесцеремонно, а если у меня бардак... Платон достаёт рацию и быстро сообщает мой адрес. — Нужен наряд скорой и оперативная группа. Жду. — Отключает связь и смотрит на меня. — Арина... Где у тебя аптечка? Нам нужно остановить кровь.

— На кухне, верхний ящик справа от холодильника. — Отвечаю я, хоть растерялась и вообще забыла, где что находится.

Платон берёт меня под руку и ведёт в ванную, я посмотрела в зеркало и застыла. На меня смотрела девушка с запёкшейся на лице и волосах кровью, а левая сторона так опухла, будто меня покусал целый рой пчёл. Платон просит умыться холодной водой и выходит из ванной комнаты. Умыться? Да по мне плачут горячие источники в Карелии, а не ледяная струя воды.

Платон приносит мне таблетку и стакан воды.

— Обезбол.

— Мне не нужно, — говорю я и наконец-то начинаю умывать лицо. — А если он вернётся? — Спрашиваю я Платона. Я действительно боюсь, что он подумает, что я вызвала полицию. — А вы как тут оказались вообще?

Платон ещё молча стоял пару минут, интересно, о чём думал.

— Нас вызвала соседка, сказала, что больно быстро всё стихло, обычно ругань по часу и потом слышно, как девчонка плачет, а сегодня стучали громко и тишина мёртвая. Повезло тебе, Литвинова, что соседи у тебя быстро среагировали.

— Что дальше будет? — Спрашиваю я.

— Приедет опергруппа, скорая, зафиксируем следы преступления. Скорая тебя госпитализирует, если это необходимо. Тебе нужно будет дать показания для возбуждения уголовного дела.

— Я не буду давать показания. — Резко бросаю я Платону, пока вытираю лицо. — Я не самоубийца.

— Платон Александрович, мы всё осмотрели, нашли утюг, которым, скорее всего, и били девушку. — Раздалось из комнаты.

Дверь квартиры была всё ещё открыта, я то и дело бросала туда свой взгляд.

— Не надо опергруппу, я не буду писать заявление.

— Арина, так нельзя... — Расстроился Платон.

— Нет заявления от пострадавшего, значит, нет дела. Платон, я сама разберусь во всём. Ничего страшного не случилось.

— Он бил тебя утюгом в лицо? — Спросил Платон, смотря мне в глаза.

В моей голове сразу встала картина, как Андрей закрывает дверь, бросив меня на полу. Не понимаю, почему я боюсь написать заявление, ведь побои явные и его точно посадят за причинение вреда... А если не посадят? Тогда всё это будет зря и из моего уютного привычного ада это превратится в сущий кошмар. Нет, лучше спокойно и стараться не нарываться на проблемы с уже знакомым источником агрессии, чем познакомиться с его более отбитой частью.

Скорая прибыла вместе с опергруппой, ребята на всякий случай всё зафиксировали, сфотографировали и уехали. А я отправилась на скорой делать рентген, чтобы исключить переломы черепа, да и сотрясение было налицо. Айра осталась дома, в том бардаке, который устроили ребята. Ещё и приборку потом наводить. Главное — объяснить как-то всё Андрею.

После рентгена мне говорят, что нужна госпитализация, и недельку мне нужно будет провести в больнице. Я согласилась, но попросила сходить домой за вещами и отдать собаку родителям.

Платон отвёз меня до дома, где я наспех помылась, собрала необходимые вещи, мысленно опасаясь встретиться с Андреем снова. Схватила Айру и побежала в машину к Платону. Мы доехали до родителей. Не буду описывать шок моего отца, когда он меня увидел. Вкратце рассказала, будто упала с электросамоката лицом вниз и рассекла бровь, передала Айру и поехала снова в больницу.

— Я зайду завтра, — сказал Платон, когда проводил меня до палаты.

Да уж, лежать в этой старой больничке совсем не хочется. Щас бы на Канары, и на месяц. Тогда моя перезагрузка была бы гораздо продуктивнее.

Неделя тянется очень долго: врачи, уколы, обследования. Терпеть не могу эту атмосферу. Тут пахнет старушками и инъекциями.

Отёк с глаза у меня сходит, внешне я быстро восстанавливаюсь. Но вот внутренне — нет. Андрей не написал ни одного сообщения, не позвонил, вообще ничего. Обычно на третий день он уже прибегал с угрозами, чтоб я вернулась. Не знаю, что я чувствую в этот момент, но писать или звонить первой не решаюсь. На 8-й день ко мне приходит Платон с букетом маргариток и корзиной сладостей, упакованных в слюду. Внутри были киндеры, мой любимый белый пористый шоколад, ириски и несколько упаковок рахат лукума:

— Ты помнишь что я люблю? — Спросила я разглядывая корзинку.

— Я спросил у врачей, что тебе можно, сказали что сладкое будет даже полезно, вот решил принести. Надеюсь, что это тебе понравится. — Улыбался Платон. После недолгой неловкой паузы он продолжил. — Я поговорил с ним. С твоим Андреем. — Улыбка сошла с лица.

— И что он тебе сказал? — Спрашиваю я, надеясь найти ответ на вопрос, почему Андрей не приходит ко мне.

— Давай я включу тебе запись разговора?

Я киваю, Платон достаёт телефон и включает аудиозапись:

— А ты ещё кто такой, чтоб указывать мне, че делать? Ёбарь, что ли, очередной? Дак и забирай себе эту подстилку.

— Андрей, Арина лежит в больнице. У неё подозревают перелом черепа и сотрясение. Это твоих рук дело?

— А тебя это не касается! Ты вообще кто такой?

— Всё понятно.

— Андрюш, ты долго? Я тебя уже заждалась. — Это был голос какой-то девицы на заднем плане.

— Кто это?! — Спросила я Платона. Платон молча пожал плечами, забрал телефон. А я так и осталась стоять с широко распахнутыми глазами. Так и не понимаю, что вообще происходит. — У него что, другая девушка? — Повторно спрашиваю я. Будто мне было мало его реакции, и я всё так же осталась без ответа.

Платон так и остался стоять молча и неподвижно.

— Ладно, — сказала я и побрела сесть на свою кровать. — Ты можешь оставить меня? — Обратилась я к Платону, не поворачивая голову в его сторону.

— Если тебе нужна будет какая-то помощь, ты всегда можешь мне позвонить. Номер у тебя есть. — Он ещё немного постоял рядом, наблюдая за мной, и вышел из палаты.

Так я и провела остаток дня, сидя на кровати, молча и в раздумьях. За всё это время у меня особо не было гостей,

ко мне приходили родители, да и всё. Друзья и коллеги все заняты, у всех работа, семья. Поэтому особо никто не удосужился навестить меня за это время.

На следующий день врач решил меня выписать. Я молча собирала вещи. К этому моменту я решила, что мне нужно обязательно выяснить, что же происходит между мной и Андреем, что нужно с ним поговорить и расставить все точки над «и». Я молча собирала вещи, попрощалась со всем коллективом в больнице. И на выходе хотела уже вызвать такси, но меня встречал Платон.

— Привет, Арин. Я узнал вчера у доктора, что тебя выпишут, поэтому решил встретить тебя. Давай, запрыгивай. — Он открыл дверь своей машины, и я запрыгнула на переднее сиденье, бросив свою сумку назад. Выгляжу я, наверное, хреново, ну что ж, так мы доехали до дома, молча, особо не разговаривая. Я добрела до квартиры своих родителей, сходила в душ, погуляла с Айрой и решила, что отправлюсь пешком до работы. Нужно передать свой больничный лист и сообщить, что завтра я смогу выйти на смену. Спешно захватила сумку, телефон, ключи и пошла прогуляться до работы. Погода стояла прекрасная — была осень, без дождей, прекрасное время года. Светило солнышко. Одеда я сегодня кроссовки, белые, другой обуви у меня на осень и не было, сверху — своё серое пальто ниже колена, белые джинсы и серую вязаную кофту. Пальто мне даже не пришлось застегивать, потому что было относительно тепло, лишь только

холодный ветер иногда развеивал мои волосы. Как же хорошо гулять. Особенно одной. Особенно, когда этого не хватало года три.

Я шла по длинной центральной улице и стала переходить через пешеходный на другую сторону. И тут я увидела его, Андрея. Меня резко бросило в жар, я испытала страх. Я очень начала нервничать и перебирать край кофты через карман. Оказалось, что я вовсе не готова к этой встрече, и мне было очень страшно. Лихорадочно прокручивала в голове, что я ему скажу? Как сзади к нему подбежала девчонка, совсем юная, с чёрными волосами, школьница, что ли, и взяла его за руку. Дальше они пошли за ручку, он даже не подумал отпустить её и скрыть этот неловкий момент. Страх сменился полнейшим смятением. Я не знаю, что обычно люди делают в таких моментах, поэтому мы просто прошли мимо друг друга, совсем рядом, буквально в метре.

Я шла дальше, а по спине тек холодный пот. Мне всё ещё было дико страшно. Я не могла заставить себя обернуться и проверить, прошёл ли он мимо или развернулся следом. А вдруг он идёт сзади и следит, куда я направляюсь? Липкий ужас парализовал меня. В полном шоке и оцепенении, совершенно не понимая, что сейчас произошло, я просто двигалась прямо до самого конца улицы, пока не уткнулась в лесополосу.

Дорога заняла около получаса. Только свернув на лесную тропинку, я наконец осмелилась оглянуться. Позади мелька-

ли случайные прохожие, но Андрея среди них не было. Даже это не принесло облегчения — внутри всё так же колотило от паники. Я побрела дальше по тропе, вспомнив, что где-то здесь местные школьники смастерили качели и сколотили на ветвях небольшой домик.

Добравшись до места, я без сил опустилась на лавочку рядом с качелями и разрыдалась. Сдерживать слёзы больше не получалось: нужно было выплеснуть всё наружу и оставить эту разрывающую боль прямо здесь. Вокруг стояла тишина — в разгар учебного дня площадка пустовала, и дети могли появиться тут разве что часа через два. А пока я просто сидела в одиночестве и захлёбывалась рыданиями, отчаянно надеясь, что никто не слышит и не видит моей слабости.

Когда я наконец успокоилась и выплакала все слёзы, первым делом проверила телефон. Надеюсь, что он напишет или позвонит, чтобы объяснить, что это вообще было. До меня всё ещё не доходило, закончились ли наши отношения. Неужели он просто ушёл к другой после того, как оставил меня истекать кровью?

Хотя почему «чуть ли»? Он бросил меня умирать.

И всё равно внутри свербило дурацкое ощущение, что это ещё не конец. Я словно судорожно цеплялась за эти отношения и наотрез отказывалась верить в финал. Наверное, я просто привыкла к нашему вечному циклу: разрыв, три-четыре дня порознь, а потом он возвращается. Но сейчас всё складывалось совершенно иначе. Эта неизвестность своди-

ла с ума. Мне был жизненно необходим чёткий ответ. Всё ли между нами кончено? Я достала телефон и написала ему SMS: «Скажи прямо: мне забирать вещи? Между нами всё кончено?».

Глава 3: Млечный путь

Я просидела на лавочке почти два часа. Жопа закоченела, нос шмыгает, но уже не от слёз, а от холода. Почувствовала неловкость, что я тут сижу так долго, да и уроки у школоты скоро закончатся — думаю, попрутся сюда всем стадом. Я встала и пошла домой той же дорогой, которой пришла сюда.

Ответ на сообщение я так и не получила. Ни «да», ни «нет», вообще ни черта. Полный игнор.

Время уже близилось к вечеру, но до родителей я дошла спокойно, без происшествий, хоть и оглядывалась по сторонам: не встретится ли мне Андрей на обратном пути. На работу решила сегодня не заходить — набрала Татьяне Валерьевне, нашей управляющей, и предупредила, что завтра буду готова вливаться в трудовые будни. Она сухо бросила: «Жду к девяти», — без лишних вопросов, за что ей отдельное спасибо.

У родителей дома стояла давящая тишина. Мать старалась не смотреть на меня, чёт всё суежилась по дому. Переживает? Осуждает? Или она недовольна, что я переехала обратно? Непонятно. Отец пил чай с ромашкой, на которую у меня аллергия, на столе всегда полная ваза фруктов. Никаких «мы же тебе говорили» вслух не звучало, но этот немой упрёк буквально висел в воздухе.

Я закрылась в своей комнате, постелила матрасик для Ай-

ры у кровати, но она спала со мной под одеялом, прижимаясь к моему животу. Мы обе были в шоке от того, что в квартире можно просто лежать и больше ничего не делать.

На следующий день я отправилась на работу. В банке на меня пялились. Девочки-операционистки, конечно, сделали вид, что ничего не заметили, но стоило мне отойти к кулеру за водой, как за спиной начинался шёпот. Ребята-айтишники похихикивали, когда я выдала им выдуманную причину своих побоев.

— Ариш, ты как? — сочувственно приобняла меня за плечи Машка из кредитного отдела, понизив голос. — Может, больничный взять? Выглядишь ты паршиво.

— Всё нормально, споткнулась на лестнице в подъезде, темно было, — отчеканила я заученную фразу, глядя в пол.

— Ну ладно, если надумаешь, то я тебя подменю.

— Спасибо, Маш, — улыбнулась я, благодаря её за поддержку.

Врать было унинительно, но ещё противнее — ловить на себе жалостливые взгляды коллег. Весь день я на автомате забивала заявки в систему, считала кредитные ставки, натягивала дежурную улыбку перед клиентами, у которых зарплата в конвертах и долги по микрозаймам.

Странное чувство: ты сидишь в белой выглаженной рубашке, пахнешь духами, оформляешь людям миллионы, а внутри — разбитая в хлам особь женского пола, которой недавно разбили морду утюгом. Лол.

Так прошло две недели. За это время я много работала, выходила ненадолго погулять с Айрой во дворе, минут так на 10, и пару раз ездила с Платоном в соседний город на прогулку и по магазинам. В нашем мне всё ещё было не по себе, я постоянно боялась случайно встретить Андрея на улице. А там, в другом городе, можно просто пройтись и не оглядываться по сторонам. Хоть и был страх, что я могу встретить его везде.

Но с каждым днём я всё больше начинала дышать полной грудью. Постепенно ко мне приходит осознание, что это действительно конец и прошлые отношения окончательно остались позади.

Платон вёл себя идеально: покупал мне разную выпечку, мы попробовали круассаны с сёмгой, шоколадные синнабоны и тыквенный пирог. Пирог был просто волшебный. Этот джентльмен открывал передо мной все двери, шутил, не задавал лишних вопросов и никуда меня не торопил.

Никаких криков, никаких нервов.

Но именно эта его идеальность вызывала внутри раздражение. Мой мозг уже привык к постоянному фоновому стрессу, а рядом с Платоном было до жути спокойно. Я постоянно ждала подвоха, когда он накричит или сорвётся, но он только улыбался своей ровной, спокойной ухмылкой.

А потом Платон позвал меня на свидание.

Ночью.

Он набрал около десяти вечера:

— Будь готова через час, оденься потеплее, поедem проветримся.

Я стояла перед шкафом, перебирая шмотки. Зачем так поздно? Куда? Но спорить не стала — сидеть в родительской квартире с её душной атмосферой хотелось меньше всего.

Натянула тёплый серый свитер крупной вязки, белые утеплённые лосины, обула белые луноходы. Сверху накинула длинное серое пальто из верблюжьей шерсти, натянула голубую шапку и укутала шею шарфом.

Он приехал в 23:00, открыл мне дверь своего чёрного BMW X7, и я запрыгнула в салон. Меня обдало ароматом новой кожи и дорогого табака.

Мы ехали за город. Свернули в сторону лесополосы, так и не поняла куда. Когда машина остановилась, мы вышли на какую-то открытую полянку.

— Зачем мы сюда приехали? Ты какой-то маньяк и будешь меня тут насиловать? — говорю я.

Платон рассмеялся:

— Буду тебя насиловать, только по твоей воле, Ариш. Посмотри наверх и сразу всё поймёшь.

Всё небо мерцало холодными яркими точками, по нему широкой серебристой полосой тянулся Млечный Путь. Было видно каждую мелкую звёздочку; периодически они срывались с места, прочерчивая короткие светящиеся хвосты и сгорая в темноте.

Я стояла, смотрела на всё это и ловила себя на мысли,

как странно и непривычно стоять так просто посреди леса. Я молча улыбалась.

Здесь было очень красиво. Никто из нас не нарушал тишину. Не знаю, сколько мы так простояли, когда Платон пошёл к багажнику авто.

— Надеюсь, ты не за топором? — хихикнула я и увидела, как Платон правда возвращается с топором.

Я приподняла бровь в удивлении, он выглядел забавно.

— Щас костёр разведём. Я взял немного закусок и пиво.

— Пиво? Ты же за рулём.

— Безалкогольное, Ариш. Я не пью алкогольное. И тебе не советую.

— А жаль, — расстроилась я. — Я бы сейчас выпила бутылочку... Белого... Полусухого... Французского... Ммм.

Я прикрыла глаза и сделала вид, что наслаждаюсь своей идеей.

— Обойдёшься, — сказал Платон и ушёл куда-то в сторону леса.

Мне ничего не оставалось, кроме как продолжить следить за звёздами. Я слушала удары топора по веткам, ощущала аромат хвои и думала о том, что хотела бы провести тут как можно больше времени.

Но не с Платоном.

Он очень хороший парень, моя первая любовь. В юности мы несколько лет встречались, такая детская влюблённость. Было кайфово ощутить это чувство. Но мы стали старше,

Платон часто ездил с родителями за границу. Поэтому видаться мы стали реже. Потом он начал гулять с другими девчонками, а я всё больше стала понимать, что мне с ним скучно.

По итогу всё наше время вместе заняли совместные игры на компьютере. В доту. Но потом и играть мне надоело.

Весь такой правильный мальчик, хорошист, блондин с голубыми глазами. Растёт в обеспеченной семье, родители — госслужащие. Он нравился другим девчонкам, но мне хотелось быть в его глазах особенной. Но особенной я так и не стала.

Помню, что он стал встречаться со своей одноклассницей сразу после нашей ссоры. Обидно было. Мне тогда написывали почти все её подружки, скидывали фотки, как они гуляют в обнимку. Тогда наши отношения и треснули.

Когда мы помирились, я постоянно напоминала про эту одноклассницу, тем самым окончательно всё испортив. Так и не знаю, насколько серьёзно у них тогда это было.

В общем, решили закончить на этом. Друзьями у нас остаться не получилось. А когда я познакомилась с Андреем, то уже не заходила на странички соцсетей Платона, потому что все мои действия отслеживали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.